

ИГОРЬ
ФРОЯНОВ

A bronze statue of a skeletal figure riding a horse, set against a red background. The figure is depicted in a dynamic, forward-leaning pose, holding a long, thin staff or spear. The horse is also in a dynamic pose, with its head turned slightly to the right. The statue has a weathered, patinated appearance with some darker and lighter tones of bronze. The background is a solid, vibrant red.

РОССИЯ

ПОГРУЖЕНИЕ В БЕЗДНУ

Книга-эпоха

Игорь Фроянов

Россия. Погружение в бездну

«Алисторус»

2019

УДК 82-94
ББК 63.3

Фроянов И. Я.

Россия. Погружение в бездну / И. Я. Фроянов — «Алисторус»,
2019 — (Книга-эпоха)

ISBN 978-5-907149-89-2

Игорь Яковлевич Фроянов – историк, общественный деятель, писатель. Долгое время он был деканом исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, но затем был отправлен в отставку, причиной которой считается выход его ставшей знаменитой книги «Россия. Погружение в бездну». В ней он показал, как на рубеже XX–XXI веков произошло превращение России из мировой сверхдержавы в нищую страну – это крушение произошло в мирное время всего за несколько лет. Автор провел детальное исследование всех пунктов планового и поэтапного разрушения великой страны, привел мнения многих политиков, писателей и ученых. Эта книга – ценная информация к размышлению о причинах страшной трагедии, последствия которой мы ощущаем до сих пор.

УДК 82-94
ББК 63.3

ISBN 978-5-907149-89-2

© Фроянов И. Я., 2019
© Алисторус, 2019

Содержание

От автора	5
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	25
Глава четвертая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Игорь Фроянов

Россия. Погружение в бездну

От автора

Современные историки, писатели и публицисты уподобляют порою происходящие ныне события в России Смуте начала XVII в. Для этого есть определенные основания. Но главное состоит в том, чтобы учесть уроки прошлого. И основной из них, как представляется, – недопустимость равнодушия и робкого безмолвия. Очевидцы Смуты Иван Тимофеев, Авраамий Палицын и другие безымянные свидетели корень беды, поразившей Русь в начале XVII века, видели «в недостатке мужественной крепости у общества», умения соединяться против властных нарушителей порядка и закона. Когда Б. Годунов совершал свои беззакония, губил столпы великие, которыми земля укреплялась, все «благороднейшие» онемели, были безгласны, как рыбы... За это общественное попустительство, за «безумное молчание всего мира», по выражению А. Палицына, и наказана земля». Не поддаться «безумному молчанию», по мере сил и возможностей доискиваться правды, доносить ее до людей – моральный долг историка.

Писать о том, что происходит сейчас у нас в России без боли в сердце невозможно. Поэтому повествование о российских бедах не может быть бесстрастным, как у старца Пимена из знаменитой драмы А. С. Пушкина: «Спокойно зрит на правых и виновных, добру и злу внимая равнодушно». Нет сил «внимать равнодушно» злу, которое разлилось по нашей многострадальной стране. Негодование и ненависть клокочут в груди. Вот почему в книге некоторые проблемы, быть может, чересчур заострены. Но за этой заостренностью скрывается и нечто более существенное, чем простая эмоциональность: исследовательский прием, усиливающий эффект наблюдений и выводов, содержащихся в данном исследовании.

В заключение выражаю признательность М. П. Ирошникову, М. Ф. Флоринскому, И. Б. Михайловой и А. В. Валерову за помощь при написании книги.

Глава первая

Внешний фактор

Многострадальная судьба русского народа породила в сознании классика нашей литературы М. Е. Салтыкова-Щедрина художественный, но обладающий глубокой реалистичностью образ Коняги, изнуренного непосильным «работным» игом истории. Сколько веков Коняга несет это иго, он, по словам писателя, «не знает; сколько веков предстоит нести его впереди – не рассчитывает. Он живет, точно в темную бездну погружается... Самая жизнь Коняги запечатлена клеймом бесконечности. Он не живет, но и не умирает. Поле, как головног, присосалось к нему бесчисленными щупальцами и не отпускает его с урочной полосы. Какими бы наружными отличками ни наделил его случай, он всегда один и тот же: побитый, замученный, еле живой. Подобно этому полю, которое он орошает своею кровью, он не считает ни дней, ни лет, ни веков, а знает только вечность... Целая масса живет в нем, неумирающая, нерасчленимая и неистребимая. Нет конца жизни – только одно это для этой массы и ясно. Но что такое сама эта жизнь? зачем она опутала Конягу узами бессмертия? откуда она пришла и куда идет? Вероятно, когда-нибудь на эти вопросы ответит будущее... Но, может быть, и оно останется столь же немо и безучастно, как и та темная бездна прошлого, которая населила мир привидениями и отдала им в жертву живых».

Картина, разумеется, безотрадная, но живо, увы, напоминающая день сегодняшний, когда Россия еще раз на протяжении последнего столетия погружается в «темную бездну», когда происходит принесение «в жертву живых» ради новых «привидений».

На исходе XX века, как и в его начале, снова появились «борцы» за «народное дело», самочинно взявшие на себя роль поводырей в «светлое будущее», связанное теперь не с коммунизмом, как это было при большевиках, а с капитализмом. Предметом трепетного обожания и едва не религиозного поклонения они провозгласили частную собственность, «священную» и «неприкосновенную», как известная индийская корова. Рыночная экономика, буржуазная демократия, правовое государство, приоритет отдельной личности перед коллективом причислены к разряду высших человеческих ценностей.

Вполне понятно, что столь радикальная смена социальных ориентиров в стране, где культивировались коллективизм, общественные формы собственности и плановое хозяйство, не могла не привести к состоянию нестабильности и смуты в обществе. Но здесь мы наблюдаем чисто внешнюю, т. е. видимую, сторону событий, которые имеют, помимо того, скрытый, далеко не менее драматичный смысл.

Войну против России ведут ее старые, закоренелые враги. Приведем циничное высказывание одного из апостолов «холодной войны» А. Даллеса, сформулировавшего главные принципы политики Запада по отношению к России следующим образом: «Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдальблывать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и

постоянно способствовать самодурству чиновников и взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу: все это мы будем ловко и незаметно культивировать... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества».

Россию, всех нас, русских, взяли, пользуясь известным выражением Ивана Ильина, «тихой сапой». Но пока, к счастью, не совсем. И все же необходимо осознать факт данного «пленения», поскольку это первое и непереносимое условие собирания сил с целью возвращения русского народа на покинутую им временно, в силу тяжких обстоятельств, собственную историческую дорогу. Возвращение, на наш взгляд, неизбежно. Оно не состоится лишь тогда, когда с русским народом как этнической общностью будет покончено навсегда. Во всяком случае, исторический опыт России, в частности опыт революций начала XX века, говорит о неприятии русским народом капиталистических отношений, построенных на индивидуализме, холодном расчете, голом чистогане и почитании «золотого тельца».

Следует согласиться с Г. А. Зюгановым в том, что главная причина болезни нынешней России – «попытка капиталистической реставрации, подрывающая материальные и духовные основы общества и государства и все более раскрывающая сущностную несовместимость западной буржуазной цивилизации и цивилизации российской. Капитализм не входит органически в плоть и кровь, в быт, привычки и психологию нашего общества. Однажды он уже втравил Россию в братоубийственную гражданскую войну и, как подтверждает многолетний опыт, не приживется на российской почве. Свидетельством тому и те три революции, которые произошли в стране с минимальным временным интервалом: с октября 1905 по октябрь 1917 года. Эти революции показали, что основная часть российского общества была решительно недовольна «недоделанным» российским капитализмом, бурно развившимся в стране после крестьянской реформы 1861 года, посягнувшим на соборные, общинно-коллективистские и духовно-нравственные устои народной жизни. Его-то и не принял весь народ, а не только мятущаяся, радикально настроенная интеллигенция, как пытаются доказывать сегодня ангажированные идеологи режима»¹.

В сети капитализма Россию загнал прежде всего Запад, весьма заинтересованный в осуществлении контроля над ее богатыми сырьевыми ресурсами и в получении дешевой рабочей силы. Достигнув данной цели, он решил свои важнейшие экономические и политические задачи, сделал крупный, быть может, главный шаг вперед на пути создания «нового мирового порядка», выгодного странам так называемого «золотого миллиарда». Разумеется, такое возможно только при включении России в мировую капиталистическую систему в качестве полупериферийного «партнера», имеющего в экономической и финансовой конкурентной борьбе неравные шансы со странами «высокоорганизованного пространства» и потому обреченного на подчиненное и зависимое положение со всеми вытекающими отсюда колоссальными потерями для россиян².

В высшей степени активную роль по втягиванию России, стран СНГ и бывшего социалистического лагеря в орбиту влияния западного мира играют Соединенные Штаты Америки. «В новую эру опасностей и возможностей, – заявил в свое время президент США Б. Клинтон, –

¹ Зюганов Г. А. География победы. Основы российской геополитики. М., 1997. С. 225; см. также: Ф р о я н о в И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997.

² Краус Т. О ЕльЦИНИЗМЕ // Ельцинщина. Будапешт, 1993. С. 75—101.

нашей всепоглощающей целью должно стать расширение и усиление мирового сообщества стран демократического характера, опирающихся на рыночную экономику. Во время «холодной войны» мы стремились уменьшить угрозу выживания свободных институтов. Теперь мы стремимся расширить круг наций, которые живут при наличии свободных институтов...»³

Г. Киссинджер дал следующий, любопытный для нас по откровенности комментарий к этим словам американского президента: «В третий раз на протяжении нынешнего столетия Америка подобным образом провозглашает свои *намерения выстроить новый мировой порядок, применяя свои собственные ценности на всем мировом пространстве* (курсив мой. – И. Ф.). И в третий раз Америка, похоже, возвышается над всей международной ареной. В 1918 году Вильсон своей тенью заслонил Парижскую мирную конференцию, где союзники слишком зависели от Америки, чтобы громко высказаться против. К концу второй мировой войны Ф. Рузвельт и Г. Трумэн, казалось, имели возможность *перекроить весь глобус по американской модели. Конец «холодной войны» породил еще большее искушение переделать мир по американскому образу и подобию* (курсив мой. – И. Ф.). Вильсона ограничивал изоляционизм во внутренней политике, а Трумэн столкнулся со сталинским экспансионизмом. В мире по окончании «холодной войны» Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой, которая обладает возможностью вмешательства в любой части земного шара. Однако могущество их стало менее ощутимым, а вопросы, решаемые военной силой, исчезли»⁴.

Бывшему Государственному секретарю США отказывает явно чувство меры, когда он утверждает, будто «вопросы, решаемые военной силой» со стороны Соединенных Штатов, якобы «исчезли». Одна история с Ираком, а также ракетные удары США по Судану и Афганистану, варварская бомбардировка Югославии показывают, какова истинная цена приведенным словам. Но это так, кстати. Главное же для нас состоит в признании Киссинджером соблазна у американцев «выстроить новый мировой порядок, применяя свои собственные ценности на всем мировом пространстве», «перекроить весь глобус по американской модели». Этот соблазн таит угрозу всему человечеству.

Американцы намерены «применить свои собственные ценности» в отношениях с нынешней и будущей Россией, что явствует из доклада «Америка и Россия в меняющемся мире» Струба Тэлбота. «Америка, – заявил он, – проявляет себя наилучшим образом тогда, когда при выработке концепции своих интересов за рубежом исходит из ценностей и идеалов, на которых мы выросли здесь в Америке. С момента, когда мы стали новым независимым государством, мы продолжаем верить, что принципы управления государством, заложенные в Конституции и Билле о правах, привлекательны и актуальны для всех. Иными словами, мы желаем другим странам того же, что мы желаем для самих себя. Это значит, что мы хотим видеть эти страны демократическими, уверенными в своей безопасности, стабильными, процветающими и интегрированными в растущее сообщество других стран со сходным государственным устройством и ориентацией»⁵. Дай волю г-ну Тэлботу, он старательно «причешет» народы мира под американскую Конституцию и Билль о правах.

Перед нами новый, более утонченный и коварный вариант агрессивного экспансионизма, при осуществлении которого нет прямого насильственного захвата, присоединения или под-

³ Цит. по: Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С.733.

⁴ Там же.

⁵ Независимая газета, 1996, 27 ноября. – В публичных речах перед российскими гражданами американские политики, скрывая истинные свои планы, предпочитают говорить по-иному. Так, Рональд Рейган, выступая 31 мая 1988 года на встрече со студентами МГУ, сказал: «Перемены не должны означать отказа от прошлого. Подобно дереву, в котором сохраняется жизнь во все времена года, уходящему корнями в землю и черпающему жизнь от солнца, позитивные перемены также должны уходить корнями в традиционные ценности – в землю и культуру, в семью и коллектив, – и они должны черпать силу от вечных вещей, от источника самой жизни, каковым является сама вера. Такая перемена приведет к новому пониманию, новым возможностям, позволит раздвинуть горизонты будущего, в котором традиции не будут насаждаться, а наступит их полный расцвет. Именно такое будущее манит ваше поколение» (Рейган Р. Избранные речи. М., 1990. С. 355).

чинения чужих земель, а есть втягивание других государств в сферу влияния своей экономической мощи с целью хозяйственного, финансового господства и подавления, бесцеремонное навязывание своих политических и духовных ценностей, деформирующих менталитет народов, подвергшихся подобной агрессии. По существу мы имеем здесь своеобразную форму продолжения «холодной войны», но с другими установками и средствами, чем это было до крушения СССР. Однако нас уверяют в обратном, утверждая, будто «холодная война» уже закончилась.

Впервые об окончании «холодной войны» и начале «новой эры» заявили Дж. Буш и М. С. Горбачев при встрече на Мальте в декабре 1989 года⁶. Позднее об этом заговорили и другие, причем в весьма уверенном тоне. ««Холодная война» закончилась, – это уже стало аксиомой», – писал 9 марта 1990 года в одной из американских газет Генри Киссинджер⁷.

О завершении «холодной войны» говорит и другой американский аналитик Збигнев Бжезинский⁸. Идея о завершении «холодной войны» выгодна западным идеологам потому, что она позволяет, так сказать, дистанцировать Запад от последующих, наиболее драматических событий, связанных с расчленением СССР. Примечательны в данном отношении высказывания бывшего посла США в СССР Джека Мэтлока: «Очень важно не допускать путаницы между такими историческими событиями, как конец «холодной войны» и прекращение существования Советского Союза. Я не считаю, что последующие события, значение которых в истории столь же велико, с неизбежностью вытекали из окончания холодной войны. Наоборот, прекращение холодной войны было успехом обеих сторон, ибо холодная война закончилась на справедливых условиях, отвечавших интересам обеих сторон. Последующие события в Советском Союзе были вызваны исключительно внутренними причинами, причем во многих случаях Запад отнюдь не способствовал такому развитию событий. Однако в России, по причинам внутривнутриполитического характера, а также на Западе нередко отождествляют эти разноплановые события, что неверно»⁹. Р. А. Медведев в этих словах Мэтлока усматривает разумную и трезвую оценку, наиболее близкую к истине¹⁰. На наш взгляд, тут мы имеем случай не приближения к истине, а попытку ухода от нее.

Идея об окончании «холодной войны» внедряется в общественное сознание различными способами, в том числе и посредством организации всякого рода конференций с привлечением известных ученых, политиков и государственных деятелей. Например, в 1994 и 1996 годах в Принстонском университете прошли две большие конференции, посвященные проблематике, связанной с окончанием «холодной войны». В них принимали участие Шульц, Бейкер, Скоукрофт и другие видные государственные деятели¹¹.

Некоторые ученые, говоря об окончании «холодной войны», склонны видеть в ней «историческое недоразумение». Такова, например, точка зрения бельгийского историка и политолога И. В. Берге. «Сейчас «холодная война», – пишет он, – действительно закончилась. Я по-

⁶ Геллер М. История России 1917–1995. В 4 т. М., 1996. Т. 3. Утопия у власти. Седьмой секретарь. Блеск и нищета Михаила Горбачева. С. 390. Впоследствии Горбачев неоднократно повторял мысль об окончании «холодной войны». Даже в последнем своем выступлении в качестве Президента СССР (25 декабря 1991 г.) по центральному телевидению он говорил, что с «холодной войной» покончено (Государство Российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сб. док. М., 1996. С. 482). Не расстается с этой мыслью он и сейчас, рассуждая о том, как ему с «западными партнерами» удалось «вывести мир из тупика холодной войны» и открыть новые перспективы в связи с ее прекращением (Горбачев М. То, что произошло на этой древней земле полвека назад, – уникальное событие в мировой истории. К пятидесятилетию Государства Израиль// Международная Еврейская газета, апрель 1998. № 16).

⁷ Цит. по: Медведев Р. А. Россия и Запад в конце XX века// Медведев Р., Медведев Ж. Россия и Запад в конце XX века. М., 1997. С.20.

⁸ Б ж е з и н с к и й З. Геостратегия для Евразии. Краткосрочные и долгосрочные цели политики США в этом регионе// Независимая газета. 1997. 24 октября.

⁹ Независимая газета. 1997, 15 февраля.

¹⁰ М е д в е д е в Р. А. Россия и Запад в конце XX века. С.26.

¹¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 4, 308.

прежнему убежден, что «холодную войну» можно рассматривать как историческое недоразумение. Это не гипотеза, а скорее вывод, сделанный в результате многолетних исследований. Капитализм и коммунизм и две сверхдержавы были соперниками. Конечно, велась идеологическая борьба и сверхдержавы оспаривали друг у друга сферы влияния. Тем не менее ни одна из сторон не планировала нанесение сокрушительного удара по противнику. Таким образом, дорогостоящая гонка вооружений была не нужна. Высшие руководители всегда это знали, но постоянно держали широкие массы в заблуждении. Все это позволяет с полным основанием заключить, что у «холодной войны» были другие задачи. Как американские, так и советские руководители использовали ее для решения внутренних проблем»¹². Не понять, чего тут больше: лукавства или исторической инфантильности?

«Холодная война», увы, продолжается и сегодня¹³. Для нас так это ясно, как простая гамма. И всякие рассуждения по поводу того, что она отошла в прошлое, являются или непониманием происходящего в мире, или уловкой, рассчитанной на простаков. Следует согласиться с О. А. Платоновым, когда он говорит: «Разрушение СССР не остановило холодную войну Запада против России. Более того, после отпадения бывших союзных республик западное наступление на Россию усилилось и приобрело открыто агрессивный и экономически грабительский характер»¹⁴.

Правильно поступает и В. С. Широнин, который, говоря об окончании «холодной войны», берет слово «окончание» в кавычки, поскольку речь, по его убеждению, следует вести «не об установлении истинно дружеских отношений» между нашей страной и Америкой, а «всего лишь о новом этапе противостояния, о новых, более изощренных формах истощения экономического потенциала России, что очень логично укладывается в главную национальную доктрину США, ставящую своей целью единоличное, глобальное лидерство»¹⁵.

«Холодная война» не окончена потому, что в стратегическом плане со стороны Запада она велась и ведется не против СССР и коммунистического режима, а против России и русского народа¹⁶. В конечном итоге можно утверждать, что перед нами война цивилизаций, но отнюдь не конфликт идеологий двух разных общественных систем.

При переводе этой войны в геополитическую плоскость возникнет модель развития дуализма двух стихий – суши и моря, которые «распространяют свое изначальное противостояние на весь мир»¹⁷. В «холодной войне» данный геополитический дуализм «достиг максимальных пропорций»: в настоящий момент талассократия (морское могущество) отождествляется с США, а теллуократия (сухопутное могущество) – с Россией¹⁸. Успех в данное время сопут-

¹² Б е р г е И. В. Историческое недоразумение? «Холодная война» 1917–1990. С. 10–11.

¹³ Забавно, но факт: некоторые «политики» связывают прекращение «холодной войны» прежде всего с М. Горбачевым. А. Собчак, например, утверждал, что «Михаил Горбачев вошел в мировую историю как человек, положивший конец холодной войне...» (Собчак А.А. Жила-была коммунистическая партия. СПб., 1995. С.179). В. В. Жириновский, общественный деятель иной политической ориентации, смотрит на дело по-другому и, на наш взгляд, более правильно, чем А. А. Собчак. Он пишет: «С разрушением Советского Союза в 1991 году «холодная война» не закончилась. Более того, в том же самом роковом году родился новый «американский экспансионизм 1991 года». «Холодная война» перешла уже в настоящую горячую войну» (Жириновский В.В. Мы возродим Великую Россию. М., 1997. С.106.) По мнению А. А. Зиновьева, «холодная война» закончилась в пользу Запада. При этом она перешла в стадию «теплой войны» (Зиновьев А.А. 1) Русский эксперимент. М... 1995. С. 310–314; 2) Посткоммунистическая Россия: Публицистика 1991–1995 гг. М., 1996. С. 15, 37, 82, 102–103.

¹⁴ П л а т о н о в О.А. Россия под властью криминально-космополитического режима//Русский фронт. Сб. статей о русском этносе и цивилизации. СПб., 1998. С. 250.

¹⁵ Ш и р о н и н В. КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М., 1997. С.64–65. Привлекают внимание высказывания Р. Никсона. «Как нация, – говорит он, – мы должны понять, что точка в геополитической борьбе никогда не ставится. Не бывает такого, чтобы все стороны одновременно проиграли и все выиграли» (Никсон Р. На арене воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М., 1992. С. 375). И еще: «Напряжение в отношениях между двумя сверхдержавами ослабло, но это не значит, что «холодная война» кончилась» (там же, с. 354).

¹⁶ Ф р о я н о в И.Я. Октябрь семнадцатого... С. 133–135.

¹⁷ Д у г и н А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. С. 19.

¹⁸ Д у г и н А. Основы геополитики. С. 18.

ствует талассократии, нанесшей серьезное поражение теллуократии. Если исходить из стратегии, проводимой в данное время США, то полная победа талассократии будет означать конец цивилизации теллуократии¹⁹, или гибель России. На пути к своей гибели и находится сейчас Россия, истерзанная горбачевской «перестройкой» и либерально-рыночными реформами демократов. «Но долог день, и солнце не зашло». Врагам России рано праздновать победу. Они должны знать, что последний бой еще впереди.

Нельзя, конечно, все беды, переживаемые ныне Россией, однобоко объяснять действиями ее «закордонных» недругов. Вместе с тем нельзя и по-детски закрывать глаза на их подрывную работу, как это делает Е. Гайдар. «В манихейском сознании части нашего общества, пораженном «манией заговоров», – заявляет он, возникли... идеи мирового заговора номенклатуры, инспирированные, естественно, из Вашингтона и Тель-Авива, вплоть до откровенно параноидального бреда про «агентов ЦРУ в Политбюро» и тому подобных галлюцинаций»²⁰. Стремясь показать свою «объективность», Гайдар пытается нащупать реальную почву, на которой возникают такого рода галлюцинации. Оказывается, что «исторические катастрофы естественно вызывают потрясения в сознании. Когда гигантская империя «вдруг» разваливается, падает, как колосс на глиняных ногах, мифологическое сознание ищет тут тайную и «рукотворную» причину – очередной всемирный заговор»²¹. Здесь у Гайдара взгляд какой-то ущербный. Ему явно не хватает объемности. За внешне научными его рассуждениями скрывается такая же мифология, но в противоположном варианте и с обратным знаком, т. е. односторонность наоборот.

Любой серьезный исследователь не может игнорировать вполне очевидные факты борьбы Запада с Россией (СССР). Он не может отрицать и того, что в рамках этой борьбы особо важное место занимали тайные операции, которые по совокупности следует квалифицировать как заговор против нашего государства. Конечно, никакие усилия из-за рубежа не имели бы успеха, если бы советское общество не находилось в состоянии кризиса. Вот почему в нашем падении есть и наша собственная вина²². Правда, вина не столько самого народа, сколько партийной номенклатуры во главе с ее лукавыми, бездарными и продажными бонзами. Об этом пойдет речь в следующей главе.

¹⁹ Там же. С. 21.

²⁰ Га й д а р Е. Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. СПб., 1997. С. 110–111.

²¹ Там же. С. 111.

²² Ср.: Бегунов Ю.К. Тайные силы в истории России. СПб., 1996.

Глава вторая

Внутренние предпосылки

Построенный в годы сталинских пятилеток социально ориентированный государственный капитализм, обеспечивавший оборону страны в условиях постоянной внешней опасности со стороны Запада, исчерпал свой исторический ресурс после того, как было создано ракетно-ядерное оружие, сделавшее невозможным нападение на СССР извне²³. «Создание отечественного ядерного оружия исключало все возможности силового вмешательства в наши внутренние дела»²⁴. Отпала главная причина, побуждавшая народ мириться с прежним порядком вещей, терпеть суровые лишения. Жизнь настойчиво требовала глубоких экономических, социальных и политических перемен, связанных с упразднением монопольной собственности государства на средства производства и децентрализацией экономики, с расширением самостоятельности трудовых коллективов и ассоциаций, с усилением институтов народовластия и утверждением прав личности. Эта потребность явственно обозначилась в конце 50-х – начале 60-х годов. Но еще в 1953 году Г. М. Маленков предложил отказаться от привычных экономических канонов, которых неукоснительно придерживались его предшественники²⁵. Однако инициатива Маленкова заглохла, ибо слишком сильна была номенклатурная рутина, о которую разбивались попытки нововведений, выходящих за рамки ортодоксальных представлений партийной верхушки.

Разочарование и усталость народа, граничащая с апатией, недоверие к власти, переходящее в ее неприятие, – вот итог первого десятилетия правления наследников Сталина. Некоторые из них, наиболее трезво оценивающие ситуацию, понимали, что советское общество начинает движение по наклонной плоскости. Одним из них был А. Н. Косыгин, ставший инициатором экономической реформы, запущенной в 1965 году.

Эта реформа позволила сократить адресное директивное планирование, изменить подход к выполнению плана, что теперь выражалось не в валовой, а в реализованной продукции. Предприятия получили возможность сами планировать темпы роста производительности труда, снижение себестоимости, определять величину средней заработной платы, более свободно распоряжаться прибылью. В хозяйственную жизнь вводились элементы рыночной экономики²⁶. Но самое главное состояло в том, что был сделан первый, хотя и очень малый, шаг в приближении непосредственных производителей к собственности. Таким образом создавались условия, способствовавшие их заинтересованности в рентабельном производстве и улучшении экономических показателей. В целом курс косыгинской реформы был направлен на демократизацию экономики, что являлось важнейшим велением времени.

Результаты не замедлили сказаться. Н. И. Рыжков, работавший в ту пору на Уралмаше, свидетельствует: «Косыгинская экономическая реформа 1965 года дала заметный толчок бывшему народному хозяйству. Только за восьмое пятилетие объем промышленного производства вырос в полтора раза, производительность труда – на одну треть. Темпы роста товаров народного потребления наконец-то сравнялись с темпами роста средств производства, которым всегда отдавалось предпочтение»²⁷. В итоге «происходившее три предыдущие пяти-

²³ Подробнее см.: Ф р о я н о в И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997. С. 120–129.

²⁴ З ю г а н о в Г. А. География победы. Основы российской геополитики. М., 1997. С. 108.

²⁵ З е м ц о в И. Андропов: политические дилеммы и борьба за власть. Иерусалим, 1983. С. 119.

²⁶ Александров Ю. СССР: логика истории. М., 1997. С. 141; Медведев Р.А. Миражи и реальности капиталистической революции в России. М., 1997. С. 7.

²⁷ Р ы ж к о в Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 44.

летки снижение темпов роста производства было на время приостановлено»²⁸. Магазины стали наполняться товарами, что людей очень радовало и вдохновляло даже на сложение виршей:

А нынче, как знаменья знаки,
Я обомлел, узрев в хозмаге
Линолеум семи сортов,
Фаянсовые унитазы,
Канистры, мясорубки, вазы,
Обои всяческих цветов.
Россия устремилась в быт,
Спустилась наземь с небосвода.
Что делать, если так велит
Инстинкт великого народа!

(Ст. Куняев)

Реформа, к сожалению, так и не состоялась. Ее заметно стали тормозить и свертывать в конце 60-х годов²⁹. Причин тому было несколько. Одна из них заключалась в том, что демократизация экономики, по верному замечанию Н. И. Рыжкова, «вытягивала за собой демократизацию общества»³⁰, не входившую в планы правящей верхушки.

Следует далее сказать, что партийно-хозяйственная номенклатура не поддерживала экономические нововведения, поскольку в случае успешного проведения реформы она утратила бы не только контроль над экономикой, но и все сопряженные с этим контролем личные выгоды. Вместе с тем «хозяйственная реформа 1965 г., оживившая товарно-денежные отношения в стране, дала мощный импульс собственническим ориентациям номенклатуры»³¹, которая, почувствовав дурманящий запах собственности, прочно связала с ней свою судьбу.

Отступление от экономической реформы произошло без каких-либо затруднений, ибо она не сопровождалась преобразованиями в политической и социальной сферах. Отказ от нее означал, что кремлевская верхушка ради собственного покоя и самосохранения оставляет систему нереструктурированной³². Сработал, очевидно, старый принцип: после нас – хоть потоп. Советское общество входило в период, который впоследствии получит название «застойный». Впрочем, «еще дважды были сделаны попытки оживить экономику (1973, 1979 гг.), но они по масштабам уступали реформам 1965 г.»³³. К тому же они не затрагивали, как и прежде, отношений собственности. Немудрено, что ничего путного из этих попыток не вышло. «Ситуация была грустной. Темпы экономического роста после некоторого подъема в 1966–1970 гг. постоянно сокращались (1966–1970 гг. – 7,8 % в год; 1971–1975 гг. – 5,7 %; 1976–1980 гг. – 4,3 %)»³⁴.

Нельзя, конечно, изображать эпоху «застоя» только мрачными красками. Она имела и впечатляющие достижения, прежде всего в сфере освоения космоса, жилищного строительства, в развитии энергетики, разведывании и разработке сырьевых ресурсов, военного производства, гражданской авиации, железнодорожного и морского транспорта, в области науки, образования и культуры. Однако отжившие свой век производственные отношения сковывали экономику, лишая ее необходимой динамики, а значит, будущего. В результате все четче ощу-

²⁸ История России. XX век. С. 578.

²⁹ Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. С. 45.

³⁰ Там же.

³¹ История России. XX век. С. 573.

³² Зюганов Г. А. Я русский по крови и духу. М., 1996. С. 22.

³³ Коловангин П. М., Рыбаков Ф. Ф. Экономическое реформирование России... С. 27.

³⁴ Там же. С. 29.

щалось экономическое отставание СССР от передовых стран Запада. Это еще более подорвало авторитет системы в глазах общества.

«Застойный период» является чрезвычайно важным для понимания последующих событий, связанных с перестройкой, распадом СССР и капитализацией России. Именно в рамках этого периода сформировались социальные группы, прослойки и тайные союзы лиц, которые привели советскую державу к гибели, а советское общество – к буржуазной реставрации. Иными словами, во времена «застоя» сложились главные движущие силы катастрофических для нашей страны «преобразований» и произошли существенные внутриобщественные изменения, в основе которых лежали факторы не столько объективного, сколько субъективного свойства. Толчок же всему дало ниспровержение сталинского авторитета и ослабление созданного Сталиным режима власти. И. В. Сталин, по известному выражению, как в воду смотрел, когда говорил Главному маршалу авиации А. Е. Голованову: «Я знаю, что, когда меня не станет, на мою голову выльют не один ушат грязи, на мою могилу нанесут кучу мусора». Затем убежденно добавил: «Но я уверен, что ветер истории все это развеет»³⁵.

Критика культа личности Сталина вызвала сильнейший психологический стресс в советском обществе. Рухнул кумир, которому поклонялись десятилетия. Началась переоценка ценностей, порождающая идейный разброд и шатания. Люди не знали теперь, кому и во что верить. Общественное сознание замутилось и потеряло устойчивость, предохраняющую от разлагающих воздействий извне. Ситуация усугублялась тем, что так называемый железный занавес был приподнят, и советское общество стало более открытым для дуновений западной идеологии. Создавались благоприятные условия, чтобы, как выражался И. А. Ильин, «овладеть русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли». Настал момент, когда можно было приступить к постепенной реализации того плана, о котором говорил после окончания Второй мировой войны Аллен Даллес.

Сложная комбинация внутренних явлений, связанных с неприятием сталинизма во всех его проявлениях (в том числе и в общественно-экономической сфере), а также внешних влияний, осуществляемых целенаправленно Западом, вызвала своеобразную, если можно так сказать, социальную и политическую сегментацию в обществе. Как и следовало ожидать, данный процесс затронул прежде всего интеллигенцию. Из ее среды вышла та открытая диссидентская оппозиция, с которой советская система столкнулась впервые во второй половине 50-х и в 60-е годы³⁶. Она именовалась демократическим движением. Это движение, будучи неоднородным, включало в себя «представителей трех основных идеологий, кристаллизовавшихся в послесталинскую эпоху как альтернативные программы: «подлинного марксизма-ленинизма», «либерализма» и «христианской идеологии». Первая из альтернативных программ исходила из того, что Сталин исказил марксистско-ленинскую идеологию, а возвращение к ней позволит оздоровить общество; вторая – полагала возможным постепенный переход к демократии западного типа с сохранением принципа общественной и государственной собственности; третья – предлагала в качестве основы общественной жизни христианские нравственные ценности и, следуя традициям славянофилов, подчеркивала особый характер России.

В начале 70-х годов, одновременно с обособлением трех оппозиционных течений, произойдет их персонификация. Каждая из программ станет отождествляться с личностью, наиболее ярко ее выражающей: Андрей Сахаров будет восприниматься как воплощение либерально-демократической оппозиции; Александр Солженицын превратится в символ «хри-

³⁵ Ч у е в Ф. Неписочный маршал. Из дневника. М., 1995. С. 44.

³⁶ Г е л л е р М., Н е к р и ч А. История России 1917–1995. В 4 т. М., 1996. Т. 2. Утопия у власти. Кн. вторая. Мировая империя. С. 195.

стианской идеологии», Рой и Жорес Медведевы становятся наиболее известными глашатаями «подлинного марксизма-ленинизма»³⁷.

Впоследствии из трех названных «оппозиционных течений» преобладающее значение в политической жизни страны приобрело либерально-демократическое течение, представители которого изменили свои установки и от признания принципов общественной и государственной собственности перешли к их полному отрицанию в пользу частной собственности. Сахаровцы вчера – это демократы сегодня.

Нынешних демократов характеризуют, по справедливому замечанию Ю. Александрова, «крайняя форма «западопоклонства», цинизм и нигилизм». Перед нами социальная популяция, отличительным свойством которой является космополитизм, или мировое гражданство. Для ее членов свобода выезда за границу – «важнее целостности Отчизны. Это их усилиями романтизируются и морально оправдываются предатели Родины, а слово «патриот» в их устах звучит как синоним фашиста. Самым большим несчастьем своей жизни эти люди считают то, что они родились в «этой» стране. Любимая их поговорка – «с Родиной нам не повезло». Тело их еще здесь, но душа постоянно пребывает за океаном. Ключ к пониманию мотивов их поведения – гипертрофированный индивидуализм. Для них не существует других интересов, кроме личных, – ни интересов народа, ни интересов государства... Получив вождельную буржуазную «свободу», они удивительно быстро научились ненавидеть простой трудовой народ – «совков» и «быдло». Им действительно неуютно в стране, населенной народом с коллективистской психологией, который всегда жил по принципу: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Эти люди, составившие ядро «демократических сил», открыто презирали государство, в котором жили»³⁸.

В канун горбачевской «перестройки» демократы представляли собой единомышленников, готовых в любой момент структурно организовать и включиться в активную политическую борьбу. Нужен был лишь сигнал. Таковым и послужила перестройка, вызвавшая образование всевозможных «народных» фронтов в союзных республиках, а в Российской Федерации – движения демроссов. Ясно, что они возникли не на пустом месте. Сформировавшаяся в «застойный период» демократическая прослойка стала одной из главных движущих сил перестройки и последующих за ней капиталистических превращений³⁹.

Космополитические настроения, характерные для демократов, обеспечили им всестороннюю поддержку со стороны Запада, видевшего в них (порой не без оснований) проводников своей разрушительной антирусской политики. Идея вестернизации, проповедуемая ими, влияла даже на близкое окружение партийного руководства. Например, при Л. И. Брежневем сначала существовала группа советников, куда входили Г. Арбатов, Н. Иноземцев, А. Бовин; генсек называл их «мои социал-демократы»⁴⁰.

Добродушно-снисходительный тон, в каком глава КПСС говорил о социал-демократах, может показаться мелочью. Но за этой мелочью скрывались симптомы начавшегося перерождения партийной верхушки, если не всей, то, во всяком случае, ее части, стихийно тянувшейся к социал-демократии. Здесь показательна сама деятельность брежневских «социал-демокра-

³⁷ Геллер М., Некрич А. История России... С. 194; см. также: История России: XX век. Курс лекций. Вторая половина XIX – XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 218–219.

³⁸ Александров Ю. СССР: логика истории. С. 165–166.

³⁹ Следует иметь в виду перемены в личном составе демократических сил. На смену благородной когорте идеалистов-«шестидесятников», пробужденных «оттепелью» конца 50 – начала 60-х годов, взявших друг друга за руки и воспаривших, по выражению поэта Булата Окуджавы, в канун «перестройки» и в ходе ее пришла маргинальная публика, состоящая, как правило, из людей, не сумевших по тем или иным причинам реализовать себя так, как этого им хотелось, и потому переживавших комплекс неполноценности. Трусливая и робкая по своей природе, она проявила чрезвычайную настырность, непримиримость и злобу, когда почувствовала одобрение и поддержку со стороны «архитекторов» и «прорабов перестройки».

⁴⁰ История России. XX век. С. 576.

тов». Ведь они работали над проектами реформ⁴¹. Значит, их кто-то наверху к этому побуждал. Другое дело, что все кончилось, так сказать, пуфом. Но факт деятельности этих разработчиков, именуемых социал-демократами, весьма примечателен. В дальнейшем люди, подобные Г. Арбатову и А. Бовину, станут верной опорой горбачевской перестройки.

Некоторые из демократов оказались в роли прямых проводников интересов Запада в нашей стране. Тут не обошлось без западных спецслужб, сумевших создать в советском обществе целую сеть «агентов влияния». В этой связи привлекает к себе внимание один документ. Речь идет о подготовленной в 1977 году внешней разведкой КГБ СССР и подписанной его председателем Ю. В. Андроповым записке, адресованной ЦК КПСС. Текст ее был оглашен председателем КГБ В. А. Крючковым на закрытом заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года в Кремле. Вот эта записка: «По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза. ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающей приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, один из важнейших аспектов подготовки такой агентуры – преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства. Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа и искривления руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки. По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях. По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет в конечном счете к принятию Советским Союзом многих западных идеалов. КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки»⁴².

Вряд ли следует сомневаться, что КГБ «учитывал полученную информацию». Но в то, что он сумел разработать и осуществить мероприятия «по вскрытию и пресечению планов американской разведки», верится с трудом. «Агенты влияния» сделали свое черное дело, разрушив СССР и погрузив Россию во мглу. Сначала КГБ, похоже, упустил время, а потом оказался бессилён помешать «процессу», который «пошел». Почему так случилось, ответ дать может только время.

⁴¹ Там же.

⁴² Крючков В. А. Личное дело. Ч. II. М., 1997. С. 389–390.

Как явствует из приведенного документа, американские спецслужбы ставили задачу внедрения «агентов влияния» прежде всего в сферу управления политикой, экономикой и наукой. Вероятно, не исключался и самый высокий уровень управления. В этой связи привлекают к себе внимание сведения В. А. Крюкова, касающиеся А. Н. Яковлева – видного «прораба» перестройки, человека, чрезвычайно близкого М. С. Горбачеву и потому очень влиятельного.

Еще в 1983 году Ю. В. Андропов, будучи уже Генеральным секретарем ЦК КПСС, в телефонном разговоре с В. А. Крюковым нелестно отзывался о Яковлеве. «Он не только подчеркнул неоткровенность этого человека («Что думает на самом деле, ни черта не поймешь!»), но и более того – выразил большие сомнения в безупречности Яковлева по отношению к Советскому государству в целом. Тут же Андропов сказал, что Яковлев десять лет уже как работает в Канаде и что пора его отзывать в Москву. «Кстати, – заметил Юрий Владимирович, – есть люди, которые очень хлопочут о возвращении Яковлева в Москву, вот и пусть порадуются». В числе хлопочущих людей был назван Арбатов, который, по словам Андропова, еще при Брежневем сам приложил руку к тому, чтобы подальше отправить Яковлева из Москвы на посольскую работу, «а теперь вдруг почему-то не может обойтись без этого проходимца». Да, именно так, назвав Яковлева «проходимцем», и закончил наш телефонный разговор Юрий Владимирович», – заключает свой рассказ В. А. Крюков⁴³.

Здесь, как видим, фигурирует Арбатов, один из брежневских «социал-демократов». Его хлопоты о Яковлеве нам понятны⁴⁴. Непонятно другое: почему Генеральный секретарь, обладающий необъятной властью, потворствует хлопочущим за человека, который вызывает сомнения относительно «безупречности» его отношения к Советскому государству и которого нельзя назвать иначе, как проходимцем. Быть может, Андропов лишь на словах не одобряет Яковлева, а втайне с ним? Или за Яковлевым уже тогда стояли такие силы, с которыми не мог не считаться даже Генеральный секретарь? По-видимому, утвердительный ответ может быть дан как на первый, так и на второй вопрос. Похоже, Юрий Владимирович лукавил, когда по отношению к Арбатову занял несколько отстраненную позицию. Брежневский «социал-демократ» стоял близко к Андропову в качестве советника по внешнеполитическим вопросам⁴⁵. И он, конечно, имел непосредственное влияние на Андропова. К Яковлеву был благожелательно настроен и Горбачев⁴⁶, которого Андропов считал своим человеком. Наконец, нелестный отзыв Андропова о Яковлеве мог не отражать настоящего отношения генсека к послу в Канаде. Существует версия, согласно которой между ними было и нечто общее⁴⁷. Но даже если она неверна, бесспорно другое: Яковлева поддерживали и продвигали весьма влиятельные люди.

Сейчас, по прошествии времени и конкретных событий, недоумение Андропова насчет того, почему кое-кто в Москве не может обойтись без Яковлева, кажется наивностью, довольно странной для генсека, бывшего совсем недавно председателем КГБ СССР и подписавшего записку об «агентах влияния» иностранных спецслужб, направленную в ЦК КПСС. Неужели Андропов не знал, что приближается перестройка и Яковлев нужен именно в Москве? Не случайно, на наш взгляд, что в судьбе Яковлева активное участие принимает Горбачев, с помощью которого тот вернулся в Союз и сразу же «был назначен директором Института мировой эко-

⁴³ Крюков В. А. Личное дело. Ч. I. М., 1997. С. 284–285.

⁴⁴ О. А. Платонов относит Г. А. Арбатова к числу «агентов влияния», которые, «маскируя свою антигосударственную деятельность привычной марксистской фразеологией», «подталкивали политическое руководство страны к принятию решений, ставших первыми шагами на пути к разрушению СССР». Арбатов, занимавший «проамериканскую позицию», стал «другом Америки», по признанию заместителя Госсекретаря США Тэлбота, еще с 70-х годов. (Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731–1996. М., 1996. С. 402).

⁴⁵ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. I. С. 224.

⁴⁶ Там же. С. 237.

⁴⁷ Семанов С. Н. Юрий Владимирович. Зарисовки из тени. М., 1995. С. 90.

номики и международных отношений АН СССР. Он довольно быстро вошел в неофициальную команду Горбачева, помогая последнему готовить материалы к докладам и статьям»⁴⁸.

А. Н. Яковлев «не воспринимал Союз, считал нашу страну империей, в которой союзные республики были лишены каких бы то ни было свобод. К России он относился без тени почтения, я никогда не слышал от него ни одного доброго слова о русском народе, – пишет В. А. Крючков. – Да и само понятие «народ» для него вообще никогда не существовало»⁴⁹. В другой раз Крючков говорит: «Я ни разу не слышал от Яковлева теплого слова о Родине, не замечал, чтобы он чем-то гордился, к примеру, нашей победой в Великой Отечественной войне. Меня это особенно поражало, ведь сам он был участником войны, получил на фронте тяжелое ранение. Видимо, стремление разрушать, развенчивать все и вся брало верх над справедливостью, самыми естественными человеческими чувствами, над элементарной порядочностью по отношению к Родине и собственному народу»⁵⁰. Если Крючков верно подметил индивидуальные особенности Яковлева, то следует признать факт разложения правящей партийной верхушки, допускающей в свою среду и удерживающей в ней лиц с подобными взглядами и настроениями.

По свидетельству В. А. Крюčkова, «начиная с 1989 года в Комитет госбезопасности стала поступать крайне тревожная информация, указывающая на связи Яковлева с американскими спецслужбами. Впервые подобные сведения были получены еще в 1960 году. Тогда Яковлев с группой советских стажеров... в течение одного года стажировался в США в Колумбийском университете»⁵¹. В 1990 году КГБ «как по линии разведки, так и по линии контрразведки получил из нескольких разных (причем оценивавшихся как надежные) источников крайне настоятельную информацию в отношении Яковлева. Смысл донесений сводился к тому, что, по оценкам спецслужб, Яковлев занимает выгодные для Запада позиции, надежно противостоит «консервативным» силам в Советском Союзе и что на него можно твердо рассчитывать в любой ситуации. Но, видимо, на Западе считали, что Яковлев сможет проявлять больше настойчивости и активности, и потому одному американскому представителю было поручено провести с Яковлевым соответствующую беседу и прямо заявить, что от него ждут большего. Профессоры хорошо знают, что такого рода указания даются тем, кто уже дал согласие работать на спецслужбы, но затем в силу каких-то причин либо уклоняется от выполнения заданий, либо не проявляет должной активности. Именно поэтому информация была расценена нами как весьма серьезная, тем более что она хорошо укладывалась в линию поведения Яковлева, соответствовала его практическим делам»⁵². Далее В. А. Крючков сообщает, что В. И. Болдин, работавший тогда заведующим общим отделом ЦК КПСС, посоветовал ему переговорить о Яковлеве с Горбачевым⁵³. Состоялась довольно любопытная сцена, описание которой заслуживает того, чтобы быть приведенной целиком.

«До сих пор, – пишет В. А. Крючков, – хорошо помню свою беседу с Горбачевым. Я показал ему информацию – агентурные сообщения, откровенно поделился опасениями, подчеркнул необходимость тщательной и срочной проверки. Нужно было видеть состояние Михаила Сергеевича! Он был в полном смятении, никак не мог совладать со своими чувствами. Немного

⁴⁸ К р ю ч к о в В. А. Личное дело. Ч. I. С. 286. «После возвращения из Канады и назначения на должность директора Института мировой экономики и международных отношений в разработке концептуальных материалов самую активную роль стал играть А. Н. Яковлев», – сообщает и В. А. Медведев (Медведев В. А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 18).

⁴⁹ Там же. С. 288.

⁵⁰ Там же. С. 289.

⁵¹ К р ю ч к о в В. А. Личное дело. С. 294.

⁵² Там же. С. 296.

⁵³ В. И. Болдин подтверждает факт разговора с ним В. А. Крюčkова о А. Н. Яковлеве. Вместе с тем он сообщает, что военная разведка располагала насчет Яковлева «приблизительно такими же данными, как и КГБ», ссылаясь при этом на свидетельство начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР С.Ф.Ахромеева (см: Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995. С. 263–264).

придя в себя, он спросил, насколько достоверной можно считать полученную информацию. Я ответил, что источник, сообщивший ее нам, абсолютно надежен, но объект информации настолько неординарен, что весь материал нуждается еще в одной контрольной проверке. При этом я рассказал, что каналы и способы проведения необходимых проверочных материалов в данном случае имеются, и притом весьма эффективные, и всю работу можно будет провести в сжатые сроки. Горбачев долго молча ходил по кабинету. «Неужели это Колумбийский университет, неужели это старое?!» – вдруг вырвалось у него. Спустя какое-то время Михаил Сергеевич взял себя в руки и, как всегда в таких случаях, начал искать не решение возникшей проблемы, а думать, как уйти от нее. «Возможно, с тех пор Яковлев вообще ничего для них не делал, – заглядывая мне в глаза, лепетал он, – сам видишь, они недовольны его работой, поэтому и хотят, чтобы он ее активизировал. Видя всю нелепость таких рассуждений, он снова надолго замолчал, о чем-то напряженно размышлял. «Слушай, – выпалил он вдруг с облегчением, – поговори сам напрямую с Яковлевым, посмотрим, что он тебе скажет!» Признаюсь, я ожидал чего угодно, только не такого поворота. Собираясь к Горбачеву, я заранее предполагал, что он будет уваливать, что ни на какое решение не отважится, а предложит, к примеру, подождать и посмотреть, что будет дальше, не поступят ли дополнительные сведения. Но чтобы все это «вывалить» самому Яковлеву! Я попытался сопротивляться, отвечал, что такого в практике еще не было, мы же просто предупредим Яковлева, и на этом дело закончится, до истины так и не докопаемся. Горбачев слушал мои возражения рассеянно, и я понял, что решение он уже принял. Было совершенно очевидно, что в случае отказа поговорить с Яковлевым Горбачев предупредит его сам»⁵⁴.

Итак, Горбачев знал о колумбийском прошлом Яковлева, но, несмотря на это, выдвигал его и поддерживал. По характеру поведения и ряду высказываний Горбачева в разговоре с Крючковым можно предположить, что между ним и «колумбийцем»-Яковлевым существовала какая-то незримая и потаенная связь. «Подобное поведение первого лица в государстве, – замечает О. А. Платонов, – свидетельствовало о том, что и он к тому времени был тесно интегрирован в систему связей мировой закулисы»⁵⁵. Не случайно В. И. Болдин говорил Крючкову: «Горбачев по Яковлеву все равно ничего предпринимать не будет»⁵⁶. Еще более определенно высказывался В. М. Чебриков, заявив, что «Яковлев и Горбачев – одно и то же. Через Яковлева не перешагнуть, можно сломать шею»⁵⁷. В. А. Крючков наконец понял: «Обе зловещие фигуры нашей действительности – Горбачев и Яковлев – одновременно являются и «архитекторами» и «прорабами» перестройки. Коварные задумки и их исполнение относятся к тому и другому. Они договорились, спелись, слились воедино, органически дополняя друг друга. В черной игре они менялись местами, но из чисто тактических соображений»⁵⁸.

В этой оценке Горбачева и Яковлева справедливо все, за исключением того, что названные лица являются одновременно «архитекторами» и «прорабами» перестройки. В разряд «прорабов» их зачислить можно. На такую «должность», т. е. на роль ловких исполнителей, они, как говорится, «тянут». А вот отнести их к «архитекторам» перестройки нельзя, поскольку ее «архитектурный» проект был задуман и разработан, судя по всему, не у нас⁵⁹.

⁵⁴ Крючков В. А. Личное дело. Ч. I. С. 297–298. Это и другое, по верному заключению В. С. Бушина, «свидетельствовало о том, что Горбачев покрывает Яковлева, но Крючков и подумать не смел, чтобы... тайно продолжать расследование. Он покорно подчинился. Человек просто не понимал, что служит не президенту, не генсеку, а народу, стране, строю, перед которыми в конечном счете и несет ответственность» (Бушин В. С. Честь и бесчестие нации. М., 1999. С. 283).

⁵⁵ Платонов О. А. Терновый венец России... С. 407.

⁵⁶ Крючков В. А. Личное дело. Ч. I. С. 298.

⁵⁷ Там же. С. 303.

⁵⁸ Там же. С. 292.

⁵⁹ Аналогичным образом думает и А. И. Лебедь, который, касаясь событий августа 1991 года, замечает: «Буш к тому времени уже успел ему (Горбачеву. – И. Ф.) объяснить, что архитектором перестройки был он, Буш, а М. С. Горбачев – только прорабом» (Лебедь А. И. За Державу обидно... Киров, 1995. С. 313).

Этот поистине дьявольский план свидетельствует о причастности к нему интеллектуалов самой высокой марки, сопоставления с которыми ни Горбачев, ни Яковлев, конечно, не выдерживают. Надо отдать должное прозорливости Б. И. Олейника, который, обращаясь к Горбачеву, говорил: «И вы, Михаил Сергеевич, хоть и «первый немец» или «первый американец» – тоже всего лишь пешка в последнем ряду сатанинской игры»⁶⁰.

Впрочем, в литературе существуют и несколько иные оценки деятельности Горбачева и Яковлева. Так, В. С. Павлов, наблюдавший Горбачева с близкого расстояния, характеризует его так: «Типичный исполнитель и проводник чужих идей, который сам способен только продолжать, стараться в меру своих возможностей реализовывать чужие идеи и мысли»⁶¹. Это верно. Надо только подчеркнуть, что исполнитель весьма умелый, ловкий, изворотливый и хитрый, настоящий мастер интриги. А вот с другим мнением Павлова относительно роли Яковлева согласиться нельзя. Называя Яковлева «семейным кардиналом», Павлов полагает, что он являлся «основным конструктором политической линии «перестройки» и руководителем ее осуществления... Был стратегом и тактиком политики Горбачева, хотя и держался в основном в тени, стараясь не афишировать свою реальную роль в руководстве»⁶².

Мы сомневаемся в таких конструкторских способностях Яковлева. Учитывая то, что пишет о нем Крючков, можно высказать предположение, согласно которому Яковлев служил посредствующим звеном между Горбачевым и закордонными разработчиками «перестройки», т. е. получал первым инструкции и сигналы с той стороны. Это и создавало иллюзию, будто ему принадлежит роль «стратега и тактика политики Горбачева». И Яковлев, по свидетельству А. С. Черняева, сам был не прочь из непомерного тщеславия приписать себе эту роль: «Он мнит себя «автором» перестройки, «автором» самого Горбачева...»⁶³ По Черняеву, именно Горбачев – «убежденный и непоколебимый автор перестройки, умудренный ее «разносным» опытом»⁶⁴. На наш взгляд, Горбачева следует считать главным исполнителем перестройки, а Яковлева – главным передатчиком поступающих с Запада «перестроечных» идей и помощником Горбачева в их реализации.

А. А. Громыко присовокупил к паре Горбачев – Яковлев Э. Шеварднадзе. «Яковлев и Шеварднадзе – не те люди. Куда зайдут они вместе с Горбачевым?» – говорил он в январе 1988 года Крючкову, что для последнего прозвучало «несколько неожиданно»⁶⁵. Однако у О. А. Платонова принадлежность Шеварднадзе к «мировой закулисе», в частности к масонским кругам, не вызывает сомнений⁶⁶. А весьма осведомленный бывший контрразведчик генерал В. С. Широнин высказывает предположение о связях Шеварднадзе с ЦРУ⁶⁷. И в принципе тут нет ничего неправдоподобного.

Л. В. Шебаршин, возглавлявший Первое главное управление КГБ (внешняя разведка) в 1989–1991 годах, рассказывает об одной оперативной информации, поступившей к нему в октябре 1990 года. «Месяца два назад, – говорит он, – помощник одного из виднейших государственных деятелей КПСС и Советского Союза (назовем его Костин) побывал в Соединенных Штатах. Его исключительно хорошо приняли, обласкали и предложили... тайное сотрудничество. Американцы обнаружили полнейшую осведомленность о всех служебных делах «объ-

⁶⁰ Олейник Б. И. Князь тьмы: два года в Кремле. М., 1992. С. 19. Впрочем, в другом месте своей книги Б. И. Олейник называет Горбачева «главным архитектором», а Яковлева – «главным теоретиком перестройки», явно завышая интеллектуальные способности обоих «прорабов».

⁶¹ Павлов В. Август изнутри. Горбачев – путч. М., 1993. С. 9.

⁶² Там же. С. 20.

⁶³ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 123.

⁶⁴ Там же. С. 132–133.

⁶⁵ Крючков В. А. Личное дело. Ч. I. С. 253.

⁶⁶ Платонов О. А. Терновый венец России... С. 410, 438.

⁶⁷ Широнин В. Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. М., 1996. С. 170–171.

екта», похвалили его либеральные взгляды и вообще вели себя так, будто были абсолютно уверены в его согласии работать с ними. Твердый отказ поверг их в смятение. Почему? Откуда у них была уверенность? В разведке такие ситуации известны – с помощником беседовали «по наводке», иными словами, по рекомендации человека, хорошо знающего «объект» вербовки. Уж не сам ли босс навел американцев на своего помощника? Напрасно Костин отказался так решительно, надо было поиграть, и, возможно, мы увидели бы истинное лицо его начальника. Теперь добраться до правды будет трудновато»⁶⁸. Л. В. Шебаршин получал агентурные сведения о присутствии «людей ЦРУ в советских верхах»⁶⁹.

Была, конечно, публика и менее сановная, типа Ю. Н. Афанасьева, как явствует из наблюдений Б. И. Олейника. Писатель вспоминает о пребывании Афанасьева в Париже. «Как и у кого он там стажировался, – пишет Б. И. Олейник, – мне неизвестно, но возвратился Юрий Николаевич совершенно другим человеком. И до этого не отличавшийся изысканностью стиля, он после Парижа и вовсе распоясался. К лицу приклеилась постоянная брезгливая гримаса. Голос потяжелел вкупе с фигурой. Но больше всего поразил бывших коллег бросок Афанасьева в карьере. Не особенно преуспевающий в науках, элементарно компилирующий «марксо-ленинские источники» (полистайте его диссертации), вернейший апологет соцсистемы, он заимел доктора наук, потом и целый историко-архивный институт. Словом, за ним угадывалась чья-то мощная рука, все время подталкивающая вверх и манящая из-за рубежа, где он стал завсегдатаем»⁷⁰.

Привлекает к себе внимание свидетельство А. А. Собчака, который простодушно повествует о том, что, будучи введенным в состав Президентского совета при Горбачеве, спросил как-то президента, почему он «не попытался опереться на новых лиц, пришедших в политику благодаря его реформам, т. е. на представителей демократической оппозиции и прогрессивно мыслящих ученых». Последовал знаменательный ответ: «Как я мог это сделать, если на каждого из вас практически от КГБ и других служб поступали компрометирующие материалы»⁷¹. Нетрудно догадаться, какой характер имели эти «компрометирующие материалы»...

Таким образом, к моменту перестройки Запад управлял тайным корпусом «агентов влияния», занимавших видные места в экономике и политике, науке и культуре. В этом нас убеждают не только приведенные выше факты, но и высказывания некоторых осведомленных западных деятелей.

В 1995 году Госдепартаментом США в соответствии с законом «О свободе информации» и по заявке неправительственного Архива национальной безопасности были рассекречены некоторые документы в связи с так называемым окончанием «холодной войны», в том числе три телеграммы (донесения, депеши) Джека Мэтлока, посла Соединенных Штатов в Москве, к мнению которого прислушивались президенты Р. Рейган и Дж. Буш⁷². Посол отправил в Вашингтон эти телеграммы в феврале 1989 года. Наше внимание привлекает первая депеша Мэтлока, где мы читаем: «Нынешний хаос во внутривнутриполитической жизни СССР предоставляет Соединенным Штатам беспрецедентную возможность повлиять на советскую внешнюю и внутреннюю политику. Наши возможности отнюдь не безграничны – мы не можем заставить их отдать нам ключи от своей лавки – но достаточны, чтобы изменить в нашу пользу баланс интересов по многим ключевым вопросам, при условии, если проявим достаточную мудрость в умелом, последовательном и настойчивом использовании нашего скрытого влияния»⁷³.

⁶⁸ Шебаршин Л.В. Из жизни начальника разведки. М., 1994. С. 14.

⁶⁹ Там же. С. 30.

⁷⁰ Олейник Б.И. Князь тьмы... С. 15; см. также: Платонов О.А. Терновый венец России... С. 409, 424.

⁷¹ Собчак А. А. Жила-была коммунистическая партия. СПб., 1995. С. 196.

⁷² Медведев Р. А. Россия и Запад в конце XX века. С. 18.

⁷³ Донесения посла США в Москве Дж. Мэтлока. Взгляд на перестройку М. С. Горбачева//Новая и новейшая история, 1996, № 1. С. 107.

Стало быть, по Мэтлоку, американцы не могут заставить русских отдать им «ключи от своей лавки» и сделаться полными хозяевами в их доме. Но при «последовательном и настойчивом использовании скрытого влияния» они могут, по словам посла, заставить их действовать так, как это выгодно США. Американский посол определяет круг людей, осуществляющих в СССР это «скрытое влияние»: «Нет никакого сомнения, что горстка представителей советской элиты, получившая самые свежие и обширные личные впечатления о Западе, находится в числе движущих сил, выступающих за плюрализм и права личности. Но не следует недооценивать силу воздействия нашего примера на советские умы, и если мы расширим возможности для советской политической элиты увидеть жизнь в Соединенных Штатах, это будет служить нашим интересам»⁷⁴. Развивая эту мысль, Мэтлок предлагает, не теряя времени, выработать «системный план приглашений в Соединенные Штаты под той или иной эгидой тех членов политбюро, которые еще не были там, а также многочисленных партийных и хозяйственных лидеров из основных республик и областей»⁷⁵. Нет сомнений, что Мэтлок ведет речь о формировании контингента «агентов влияния». Но, в отличие от предшествующей, если можно так выразиться, поштучной работы ЦРУ в данном направлении, посол рекомендует перевести пополнение этого контингента на поточную систему. Мэтлок исходил из трезвой оценки ситуации, сложившейся к 1989 году в СССР, характеризуя ее как хаотическую. Надо было не упустить момента, чтобы поймать рыбу в мутной воде, среди которой могли попасться на крючок и такие крупные экземпляры, как члены Политбюро ЦК КПСС.

Любопытно сопоставить советы Мэтлока с рассуждениями помощника Горбачева по международным вопросам А. С. Черняева, если не осведомленного, то догадывающегося о связях своего патрона с мировой закулисой. «Все внешнеполитические условия, – пишет Черняев, – были налицо, чтобы политически порвать со старым строем, именно тогда – в конце лета и осени 1990 года. Порвать с партией, с социалистической идеологией, с прежним порядком осуществления власти, назначить выборы в новый парламент, отказаться от Советского Союза»⁷⁶.

При различии терминологии (у Мэтлока фигурирует «скрытое влияние», а у Черняева – «внешнеполитические условия») в главном посол и помощник сходятся, отмечая активное воздействие внешних сил на внутренние процессы, происходящие в советском обществе. Само собой разумеется, что это воздействие могло осуществляться посредством «агентов влияния». Но формирование этой агентуры – дело длительное, требующее немало времени. Вот почему есть основание утверждать, что создание ее следует отнести к «застойному периоду». При переходе к «перестройке» «агенты влияния» находились, по выражению Мэтлока, «в числе движущих сил, выступающих за плюрализм и права личности», а если говорить проще, – за разрушение общественного и государственного строя СССР. В одной упряжке с ними оказалась часть партийной, советской и хозяйственной номенклатуры.

То была довольно влиятельная группа функционеров, ближе, чем кто-либо другой, стоявшая к государственной собственности, ощущавшая ее притягательность и потому испытывавшая постоянный соблазн завладеть ею. Но при Сталине, когда действовала мощная карательная система, принцип неприкосновенности государственной собственности соблюдался, причем не на словах, а на деле. С течением времени многое переменилось. Не стало строгого хозяина, стоявшего на страже «социалистической собственности». Партийно-государственная верхушка, натерпевшаяся страха от Сталина, все больше входила в состояние расслабленности, и естественным ее спутником стали различные привилегии, сложившиеся в тщательно разработанную, так сказать, лестничную, систему, где каждая номенклатурная ступень имела свой набор и

⁷⁴ Донесения посла США в Москве Дж. Мэтлока... С. 109.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 375.

характер благ, предусмотренных данной системой. Привилегиями в той или иной мере пользовалась вся номенклатура. Это номенклатурное потребление прибавочного продукта являлось одной из вопиющих несправедливостей, вызывающей гнев и глухой ропот у народных масс. Не случайно Б. Н. Ельцин пришел к власти, провозгласив главнейшим принципом своей политики борьбу с партийными привилегиями, что обеспечило ему мощную народную поддержку.

Номенклатурная система привилегий служит превосходной исторической иллюстрацией к известной народной мудрости: «рыба гниет с головы». Эта система не только разложила и развратила верхушку партии, но и лишила ее морального права требовать от остальных соблюдения норм «социалистического общежития». Этический пример, который она подавала обществу, был примером отрицательным. А когда правители не на высоте, трудно рассчитывать на добродетельную жизнь подданных. Общественные последствия разложения партийной верхушки наступили незамедлительно.

Среднее номенклатурное звено, непосредственно соприкасающееся с государственной собственностью, стало управлять этой собственностью, не забывая, мягко говоря, своих личных интересов. Дачи, машины, драгоценности, деньги – вот что стало предметом если не вожделений, то, во всяком случае, повышенного внимания многих функционеров из этого звена. В конце концов, из них образовалась плотная социальная прослойка, заинтересованная в номенклатурной приватизации и реставрации капитализма. Эти люди, порожденные временем «застоя», ждали своего часа. И он настал. «Перестройка» и вышедшие из нее «демократические» преобразования «исполнили все сроки».

В аналогичном ожидании находились дельцы теневой экономики, которая пышным цветом расцвела в «застойный период»⁷⁷. Социальная опасность теневой экономики заключалась в том, что она разлагающим образом действовала на нравственное состояние общества, распространяя в нем теневые отношения. Теневая экономика, как раковая опухоль, расплзалась по всей стране. «Теневики» накопили огромный криминальный капитал, требующий легализации и открытого применения в производстве и финансовом деле, а поэтому были весьма заинтересованы в изменении общественного строя в стране и готовы оказать всемерную помощь тем, кто решится на слом существующей социальной системы.

Названные выше метаморфозы, происходившие внутри советского общества, не являлись чем-то таинственным или скрытым от народа. Он видел перерождение номенклатуры, ее, как говорили в старину, «несытовство» и понимал, что в жизни отсутствует главное – социальная справедливость (не путать с социальной поддержкой, помощью и некоторым набором социальных гарантий!), которая, как выяснялось, все еще остается его вековой и неосуществленной мечтой. А коль так, то «с волками жить – по-волчьи выть»: народ ответил жиреющей номенклатуре падением дисциплины, интереса к работе и своеобразной «приватизацией» общественного прибавочного продукта – расхищением государственной собственности. Масовые воровство и хищения стали повседневностью. Люди уносили домой все, что можно было вынести. Для обозначения такого рода «приватизаторов» появился даже специальный технический термин «несуны». Этих «несунов» была тьма, и с ними, несмотря на старания властей, ничего нельзя было сделать, поскольку их «работа» приобрела такой размах, что превратилась по существу во «всенародное» дело.

Массовое поведение, пронизанное мелкособственническим духом, мотивами эгоизма и индивидуализма, не могло не вызвать отрицательных последствий, связанных прежде всего с ослаблением начал коллективизма и чувства ответственности за судьбу советского государства. Произошло самое опасное для жизни страны – отчуждение народа от государства, их разделение. Народные массы, отождествляя государство с партийной номенклатурой, смотрели на него как на нечто внешнее, постороннее, чужое. Отсюда равнодушие к нему. И когда советское

⁷⁷ Б о ф ф а Д. От СССР к России. История неоконченного кризиса 1964–1994. М., 1996. С. 68–72.

государство переживало свой роковой час, народ безмолвствовал, заняв положение наблюдателя. В этом положении мы находим его и сегодня.

Перед нами явные признаки национального кризиса, поразившего прежде всего русский народ. В такие моменты людьми овладевает общественная апатия, они мало осознают, что принадлежат к одной этнической общности, имеющей собственное историческое предназначение, ради которого есть смысл работать и жить. Их полностью захватывают заботы дня нынешнего, прежде всего материальные. Это – состояние болезни нации, ослабляющей ее силы и способность к активному сопротивлению и самозащите.

Глава третья

Новые планы Запада

Желание Запада «прибрать к рукам» советскую страну имело прежде всего две побудительные причины: экономическую и военно-политическую.

С точки зрения экономической подчинение России западному влиянию сулило мировой промышленно-финансовой элите богатейший источник сырьевых ресурсов и неисчерпаемый резервуар дешевой рабочей силы. В плане перспективного экономического развития речь шла о перемещении промышленных мощностей в страны Восточной Европы. На этот счет было подготовлено немало документов, главные идеи которых сводятся к следующему:

«1. Возросло загрязнение окружающей среды в развитых странах, вывоз сырья себя не оправдывает, малая окупаемость.

2. Необходимость вывода за пределы стран с развитой рыночной экономикой не только добывающих, но и многих перерабатывающих предприятий. Научно-информационные общества, как США, Японии, Западной Европы, ввиду завершения структурной перестройки, начавшейся с 1973 года, отказываются от традиционной политики «консервирования» СССР и ряда других стран в качестве аграрно-сырьевой колонии и переводят их в разряд промышленных колоний, так называемый нижний этаж мировой цивилизации, вынося на территорию этих стран все материалоемкие, трудоемкие, экологически грязные производства...

3. Ввиду нестабильности в странах Азии и Африки предпочтение отдать территории СССР.

С точки зрения военно-политической ставилась задача устранения с мировой арены СССР как великой державы с последующим его расчленением на части и превращением русского народа в безликую и безвольную этническую массу, подвластную западным мановениям. Именно в начале 80-х годов президентом США Р. Рейганом вместе с несколькими избранными и особо доверенными советниками разрабатывается конкретный план развала социалистического лагеря, ослабления экономической мощи и влияния СССР. По признанию К. Уайнбергера, для этого «была принята широкая стратегия, включающая также и экономическую войну. Это была супертайная операция, проводимая не в содействии с союзниками, а с использованием других средств»⁷⁸. Так «началось стратегическое наступление, имеющее своей целью перенесение центра битвы супердержав в советский блок и даже *вглубь самой Страны Советов* (курсив мой. – И. Ф.).

Цели и средства наступления были обозначены в серии секретных директив по национальной безопасности (NSDD), подписанных президентом Рейганом в 1982 и 1983 годах, – официальных документах президента, направленных советникам и департаментам, касающихся ключевых проблем внешней политики. Как всегда в таких случаях, они шли под грифом «совершенно секретно». Эти директивы по многим аспектам *означали отказ от политики, которую еще недавно проводила Америка* (курсив мой. – И. Ф.). Подписанная в марте 1982 года «NSDD-32» рекомендовала «нейтрализацию» советского влияния в Восточной Европе и применение тайных мер и прочих методов поддержки антисоветских организаций в этом регионе. Принятая Рейганом в ноябре 1982 года «NSDD-66» в свою очередь объявляла, что цель политики Соединенных Штатов – подрыв советской экономики методом атаки на ее «стратегическую триаду», т. е. на базовые средства, считавшиеся основой советского народного хозяйства. Наконец, в январе 1983 года Рейган подписал «NSDD-75», в которой Соединенным Штатам рекомендовалось не только сосуществование с советской системой, но и фундаментальные ее

⁷⁸ Швейцер П. Победа. Минск, 1995. С. 13.

изменения. Некоторые из этих директив имели своей целью проведение Америкой наступательной политики, результатом которой должно быть ослабление советской власти, а также ведение экономической войны, или войны за ресурсы»⁷⁹.

Важнейшая роль в осуществлении планов Рейгана отводилась разведке. «За годы президентства Рейгана было проведено значительное число мероприятий, направленных на укрепление американской разведки»⁸⁰. Особое значение при этом придавалось аналитическим службам. Только в начале 80-х годов было принято на работу в ЦРУ «около 2000 аналитиков, пришедших из университетов и научно-исследовательских центров»⁸¹. В целом «при администрации Рейгана был принят ряд основополагающих документов, составляющих в совокупности концепцию долгосрочных программ в области разведки и контрразведки»⁸². Денег на разведывательную деятельность в СССР американцы не жалели. «Так, например, по данным сенатского комитета по разведке за 1986 год, две трети ассигнований, выделенных на разведку, расходовались на работу, направленную против Советского Союза»⁸³. Известно также, что президент Дж. Буш дал указание «увеличить в два раза ассигнования на агентурную разведку и активизировать ее деятельность в СССР»⁸⁴. При этом особую роль администрация Буша отводила всякого рода тайным операциям⁸⁵.

Согласно определению одного из ведущих американских специалистов по вопросам разведывательной деятельности США Д. Ричелсона, к тайным операциям относятся: «1. Оказание влияния на политических, государственных и общественных деятелей зарубежных стран. 2. Создание выгодной для США ориентации общественного мнения в зарубежных странах. 3. Оказание финансовой поддержки и материально-технической помощи (включая снабжение оружием и боеприпасами) политическим партиям, группам, фирмам, организациям и отдельным лицам, деятельность которых отвечает государственным интересам США. 4. Пропагандистские мероприятия. 5. Политические и полувойенные акции с целью поддержки или свержения существующих в зарубежных странах режимов. 6. Физическая ликвидация отдельных лиц»⁸⁶. Обращает на себя внимание установка на финансирование отдельных лиц, «деятельность которых отвечает государственным интересам США». Наверняка можно сказать, что тут фигурируют «агенты влияния», о которых мы уже говорили.

Руководители Соединенных Штатов разработали системную программу разрушения СССР.

Их глобальная стратегия была направлена против ядра советской системы и содержала в себе:

– «тайную финансовую, разведывательную и политическую помощь движению «Солидарность» в Польше, что гарантировало сохранение оппозиции в центре Советской империи»⁸⁷;

⁷⁹ Там же. С. 13–14.

⁸⁰ Д а л л е с А. Искусство разведки. М., 1992. С. 262.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. С. 263.

⁸⁴ Там же. С. 264.

⁸⁵ Там же. Р. Никсон считал секретность важнейшим инструментом политики США. Он писал: «Пока мы не поймем, что секретность – это один из инструментов власти, мы будем изначально в невыгодном положении в геополитическом соперничестве с Москвой. Сами по себе секретные операции ни плохи, ни хороши. Секретная операция – не самоцель, это средство для достижения цели... Часто случается так, что секретная операция является единственным средством для достижения какой-нибудь важной цели» (Никсон Р. На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М., 1992. С. 377).

⁸⁶ Д а л л е с А. Искусство разведки. С. 271.

⁸⁷ По типу «Солидарности» будет создана позднее в СССР организация под названием «Демократическая Россия». О родстве «Демократической России» с «Солидарностью» говорилось в Обращении Оргкомитета «демороссов»: «Эффективность именно такой структуры в переходный период подтвердил польский опыт «Солидарности». Наша задача – создать сходное с ней массовое движение, которое включит всех сторонников демократических реформ» (Огонек, 1990, № 38. С. 3). Как видим, наши демократы действовали по американским прописям.

– значительную военную и финансовую помощь движению сопротивления в Афганистане, а также поставки для моджахедов, дающие им возможность распространения войны на территорию Советского Союза;

– кампании по резкому уменьшению поступления твердой валюты в Советский Союз в результате снижения цен на нефть в сотрудничестве с Саудовской Аравией, а также ограничения экспорта советского природного газа на Запад;

– всестороннюю и детально разработанную психологическую войну, направленную на то, чтобы посеять страх и неуверенность среди советского руководства;

– комплексные акции мирового масштаба с применением тайной дипломатии с целью максимального ограничения доступа Советского Союза к западным технологиям;

– широко организованную техническую дезинформацию с целью разрушения советской экономики;

– рост вооружений и поддержание их на высоком техническом уровне, что должно было подорвать советскую экономику и обострить кризис ресурсов»⁸⁸.

В поход против СССР вместе с Рейганом пошел и римский папа. Известно, что 7 июня 1982 года в библиотеке Ватикана состоялась встреча и беседа Рейгана с Иоанном Павлом II. Собеседники, по словам К. Бернштейна, осуществившего журналистское расследование взаимоотношений между Вашингтоном и Ватиканом и выступившего со статьей на эту тему в журнале «Тайм» (Нью-Йорк), договорились «о проведении тайной кампании с целью ускорить процесс распада коммунистической империи»⁸⁹. Как свидетельствовал советник Рейгана по национальной безопасности Р. Аллен, «это был один из величайших тайных союзов всех времен»⁹⁰.

Участие в нем римского папы весьма красноречиво. Оно говорит о том, что этот союз был направлен не столько против коммунистического строя, сколько против православия, русского народа, России. Экспансия католицизма на территории бывшего СССР, его враждебность по отношению к православию, наблюдаемые ныне, – яркое тому подтверждение.

Сговор американского президента с папой предусматривал следующее: «обеспечить крах советской экономики, ослабить контакты и связи Советского Союза с его клиентами по Варшавскому Договору, навязать реформы в рамках советской империи»⁹¹. Появление такой программы необходимо, на наш взгляд, связывать с ослаблением СССР, вызванным застойными явлениями и эрозийными внутриобщественными процессами, о которых говорилось выше.

Начало тотальной «холодной войны» против Советского Союза, одобренной и благословленной римским понтификом, можно и должно рассматривать как современный вариант крестового похода на Россию. Здесь лежит грань в истории нашей страны: с этого момента перемены, происходящие в СССР, в значительной мере обусловлены внешним влиянием, которое становится доминирующим, а внутренний фактор отступает на второй план. С приходом же к власти Горбачева и его единомышленников типа Яковлева и Шеварднадзе Советский Союз вступил на путь извне управляемой катастрофы. Но мы, как говаривал древнерусский летописец, «на прежнее возвратимся».

Неблагополучие страны, обозначившееся к началу 80-х годов, почувствовали и на кремлевском Олимпе. Это хорошо видно по действиям Ю. В. Андропова, сменившего Л. И. Брежнева на посту Генерального секретаря ЦК КПСС.

⁸⁸ Швейцер П. Победа. С. 18–19.

⁸⁹ Цит. по: Олейник Б. И. Князь тьмы... С. 68.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Олейник Б. И. Князь тьмы... С. 69.

Глава четвертая

Андропов

Ю. В. Андропов, возглавляя долгие годы КГБ, лучше чем кто-либо из высшего руководства знал действительное положение дел в государстве. Он яснее других своих коллег и товарищей чувствовал приближение кризиса, лучше просчитывал варианты манипулирования страной и народом в условиях этого кризиса. Тем любопытнее его высказывания.

Выступая 22 ноября 1982 года на Пленуме ЦК КПСС, генсек нарисовал удручающую картину: «По ряду важнейших показателей плановые задания за первые два года пятилетки (одиннадцатой. – И. Ф.) оказались невыполненными... Главный показатель эффективности экономики – производительность труда – растет темпами, которые не могут нас удовлетворить. Остается проблема несопряженности в развитии сырьевых и перерабатывающих отраслей. Практически не снижается материалоемкость продукции»⁹². Андропов понимал, что на лозунгах дальше двигаться нельзя⁹³.

И. Земцов, комментируя приведенные слова Генерального секретаря, говорил, что «никогда ни один советский руководитель не произносил такого жесткого и ясного приговора советской системе, как это сделал Андропов, хоть опирался он на неверные предпосылки и оставался в плену неправильных выводов. До него советские руководители, чтобы не представлять действительность слишком мрачной, старались больше подчеркивать достижения...»⁹⁴. У Земцова сложилось впечатление, будто «речь генсека убедительно рисовала картину полного развала и глубокого кризиса советской промышленности и сельского хозяйства...»⁹⁵. Думается, автор чересчур сгустил краски: до «полного развала и глубокого кризиса промышленности и сельского хозяйства» дело пока не дошло, но было ясно, что все это не за горами, близко. Поэтому необходимо было действовать в экстренном порядке. Что предлагал Ю. В. Андропов?

Оказалось, «готовых рецептов» для решения «назревших задач» у генсека нет⁹⁶. Тем не менее, он назвал ряд неотложных мер. Это – ускорение темпов развития экономики и научно-технического прогресса, внедрение новой техники, энергосберегающих технологий, строгое соблюдение партийной, государственной и трудовой дисциплины, рациональное использование материальных и трудовых ресурсов, экономия и рачительное отношение к «народному добру», увеличение производства и улучшение качества товаров «народного потребления», расширение самостоятельности «объединений и предприятий, колхозов и совхозов»⁹⁷. Велением времени Андропов считал «дальнейшее развитие социалистической демократии в самом широком ее смысле, то есть все более активное участие трудящихся масс в управлении государственными и общественными делами»⁹⁸. Помимо этих мер, вполне добропорядочных с точки зрения ортодоксальных представлений, Генеральный секретарь упомянул и такие, которые являлись, мягко говоря, нестандартными. Он заявил о том, что «планируется опережающий рост отраслей группы «Б», отступая, следовательно, от закона политической экономии социализма»⁹⁹.

⁹² Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. М., 1983. С. 210.

⁹³ Там же. С. 212.

⁹⁴ Земцов И. Андропов: политические дилеммы и борьба за власть. Иерусалим, 1983. С. 116.

⁹⁵ Земцов И. Андропов... С. 116.

⁹⁶ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 212.

⁹⁷ Там же. С. 209, 210, 211, 213.

⁹⁸ Там же. С. 218.

⁹⁹ Там же. С. 209.

Непривычным был и его призыв «учесть опыт братских стран»¹⁰⁰. По этому случаю Земцов замечает: «65 лет советская пропаганда настойчиво утверждала, что СССР и только СССР открывает и прокладывает новые, неизведанные, «самые эффективные и передовые» дороги к «светлому будущему». Его опыт (и ничей другой) должно изучать, перенимать и проводить в жизнь «все передовое человечество» и в первую очередь – «братские страны». И вдруг в горьком признании Андропова открывается печальная правда: Советский Союз утратил монополию на идеальное социальное устройство. Более того, стало ясно: устройство это никогда не было совершенным и нуждается, срочно и неотложно, в экономических подпорках, которые следует импортировать из стран, следовавших доселе советскому примеру, причем всегда «с ошибками и с отклонениями». На партийном форуме повеяло тревожным – и опасным для Андропова – духом реформаторства: ведь бюрократическая инерция укрепляет идеологическую нетерпимость»¹⁰¹.

Ю. В. Андропов призывал не только использовать опыт «братских стран», но и обобщать «мировой опыт», т. е. стран капиталистического мира. Отсюда до идеи конвергенции и общечеловеческих ценностей – прямая дорога. Следовательно, уже на ноябрьском 1982 года Пленуме ЦК КПСС обозначился реформаторский замысел Андропова. Не случайно на Западе его стали воспринимать как «потенциального революционера»¹⁰². А это означает, что на него смотрели как на политического деятеля, способного если не сломать, то радикальным образом изменить традиционную советскую систему.

О существенных недостатках в сфере экономики и финансов Андропов говорил на встрече с рабочими Московского станкостроительного завода им. Серго Орджоникидзе, состоявшейся 31 января 1983 года. «То, что мы производим, – сказал он, – обходится нам нередко слишком дорого. Есть значительные перерасходы материальных, финансовых средств, чрезмерны трудовые затраты. И как следствие – образование диспропорции между ростом производства и ростом денежных доходов населения»¹⁰³. Речь, стало быть, шла о неэффективности советской экономики. Необходимо подчеркнуть мысль генсека насчет существующей в стране диспропорции между «ростом производства и ростом денежных доходов населения», поскольку такая диспропорция порождает дефицит на рынке потребительских товаров, усиливая социальную напряженность в обществе¹⁰⁴.

Понимая, что это вопрос хотя и очевидный, но чрезвычайно важный, Андропов снова и снова возвращается к нему. Он говорит, обращаясь к рабочим: «Чудес на свете не бывает. Вы сами понимаете, что государство может дать товаров ровно столько, сколько их произведено. Рост зарплаты, если он не обеспечен товарами нужными, хорошими, если, наконец, хромает сфера услуг, дать реального увеличения материального благосостояния не может. Возникает вопрос, какой же выход из такого положения? Можно, конечно, идти по пути повышения цен. Но нам такой путь как генеральный не годится... Что же остается? Главный путь для нас – это повышение эффективности производства. Надо все, что мы делаем и производим, делать и

¹⁰⁰ Там же. С. 211.

¹⁰¹ Земцов И. Андропов: политические дилеммы и борьба за власть. С. 118–119.

¹⁰² Нoug h J. F. Soviet succession//Problems of Communism. 1982, q 9-10. P. 13–15; Земцов И. Андропов: политические дилеммы и борьба за власть. С. 120. Представляется поверхностной попытка Р.Г.Пихои связать с именем Андропова стремление к «возрождению коммунистического фундаментализма» (Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 417–435). Положительные отзывы об Андропове в западной прессе находят у него чересчур простое объяснение. Он пишет: «В западной прессе с начала 1982 г. начали распространяться слухи об Андропове, просвещенном диктаторе, не чуждом западных ценностей. Несомненно, за этим стояла агентура КГБ, работавшая на создание нового имиджа» (там же, с. 418).

¹⁰³ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 224.

¹⁰⁴ Мы обращаем внимание на эту мысль Андропова потому, что при М. Горбачеве ситуация в этом отношении станет неуправляемой: не контролируемый рост денежных доходов населения при спаде производства вызовет резкое оскудение потребительского рынка и, как следствие рост недовольства масс существующим строем. Похоже, то была сознательная политика, но об этом скажем ниже.

производить по возможности с наименьшими издержками, с высоким качеством, быстро, добротно. Производить товаров нужно больше, чтобы на полках не было пусто»¹⁰⁵. Все эти задачи невозможно решить без наведения должной дисциплины – трудовой, плановой, государственной. Тем более, что наведение порядка «не требует каких-либо капиталовложений, а эффект дает огромный».

Ю. В. Андропов специально отмечал, что, говоря о дисциплине, он имеет в виду «трудовую производственную цепочку» в целом, все аспекты производственной дисциплины, включая технологический, снабженческий и пр. Он предупреждал, что все усилия по борьбе за дисциплину «пойдут насмарку», если разменяются на мелочи: «кто-то опоздал на пять минут, другой зачастил на перекуры»¹⁰⁶. К сожалению, ему не удалось вытянуть всю «производственную цепочку» и наведение дисциплины, действительно, разменялось на мелочи: началось и кончилось отлавливанием прогульщиков в метро, кинотеатрах, магазинах, парикмахерских и банях.

«Отсутствие «скорох» результатов стало подталкивать Юрия Владимировича на шаги, которые, по моему мнению, носили более чем спорный характер. Я имею в виду те формы, которые стала принимать борьба за повышение дисциплины и порядка», – так оценил андроповские меры по наведению трудовой дисциплины и порядка М. С. Горбачев¹⁰⁷. «Отсутствие скорох результатов» тут, по-видимому, ни при чем. Дело скорее в логике намечаемых действий. «Повышение дисциплины и порядка» естественно напрашивалось как первоочередная задача, без решения которой нельзя было двигаться дальше. К тому же надо было показать, что есть еще сильная власть, способная поставить предел безнаказанности и вседозволенности, получившим широкое распространение в брежневское время, и повести за собой общество.

Разочарование к советским людям пришло не столько потому, что борьба за дисциплину приобрела «более чем спорный характер», сколько потому, что за ней не последовало серьезных преобразований, ожидаемых от Андропова. Возможно, преклонный возраст, проблемы со здоровьем мешали ему энергично приступить к этим преобразованиям. Но не исключено и другое: недостаточное знание ситуации, переживаемой страной. Поэтому надо было серьезно ее изучить и осмыслить. А для этого требовалось время.

Наше последнее предположение подтверждают, кажется, последующие высказывания Ю. В. Андропова. Здесь существенный интерес представляет его статья «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», опубликованная в журнале «Коммунист» (1983, № 3). Американский публицист М. Дэвидов назвал ее «блестящей», полагая, что ею «подведено теоретическое обоснование для одной из существенных корректировок, предпринятых потом в начале перестройки»¹⁰⁸. Похвально отзывается об андроповской статье и А. И. Лукьянов: «В дни столетия со дня смерти Карла Маркса он (Андропов. – И. Ф.) подготовил и опубликовал интересную, на мой взгляд, работу о судьбах демократии, где

¹⁰⁵ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 224–225.

¹⁰⁶ Там же. С. 225, 226.

¹⁰⁷ Горбачев М. С. Реформы и жизнь. М., 1995. Кн. 1. С. 235.

¹⁰⁸ Дэвидов М. Камо гредеш, Русь?.. Заметки американского публициста о перестройке. М., 1993. С. 14.– Совсем по-иному высказывается об андроповской статье А. С. Черняев, испытывавший к Андропову, как признается он сам, неприязнь. «К 100-летию Маркса (!), – пишет он, – Андропов опубликовал статью в «Коммунисте». Она отличалась отсутствием хвастовства, отношением к обществу как к реальной категории, «населенной» живыми людьми, а не манекенами. Но с точки зрения стратегических идей, перспективы, плана действий... Помню, прочитал ее дважды. А через неделю заговорил с консультантами о статье и не мог вспомнить, о чем, собственно, она, что из нее следует для конкретной политики?» (Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. М., 1995. С. 450). То, что Черняев через неделю не мог вспомнить содержание статьи Андропова, является его личной проблемой, которую здравомыслящие люди предпочитают скрывать, не афишируя свои недостатки. Относительно же существа вопроса следует сказать, что Черняев не сумел по достоинству оценить статью Андропова, быть может, из-за неприязни к нему.

впервые поднял основательно забытую нашими коммунистами проблему самоуправления в обществе»¹⁰⁹.

Однако данная статья хотя и посвящена теоретическим вопросам, но тесно увязана с опытом социалистического строительства в СССР, с осмыслением этого опыта, включающего, помимо общественного самоуправления, и многое другое. «Нам надо трезво представлять, – пишет Андропов, – где мы находимся. Забегать вперед – значит выдвигать неосуществимые задачи; останавливаться только на достигнутом – значит не использовать все то, чем мы располагаем. Видеть наше общество в реальной динамике, со всеми возможностями и нуждами – вот что сейчас требуется»¹¹⁰.

Марксистское учение служит автору отправной точкой исследования современных ему процессов экономического и социального развития. Андропов очень высоко ставит Ленина и как бы возвращает общественную мысль к ленинским истокам. «Ленин, – читаем у него, – был верным последователем Маркса и Энгельса. Он, по собственному его признанию, терпеть не мог ни малейшей хулы на своих великих учителей. Лишь так и мог поступать человек, который больше всех сделал не только для защиты, но для творческого развития в новых исторических условиях всех составных частей марксизма, для практической его реализации. Он поднял марксизм на новую, высшую ступень. Имя Ленина неотделимо от имени Маркса. Ленинизм – это марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, крушения колониальной системы, эпохи перехода человечества от капитализма к социализму. Вне и помимо ленинизма марксизм в наше время попросту невозможен. Ленин и созданная им партия большевиков возглавили первую победоносную социалистическую революцию, коренным образом изменившую социально-политический облик мира. Тем самым была открыта новая эра – эра грандиозных свершений и исторических завоеваний рабочего класса, народных масс. Тем самым научный социализм, созданный Марксом, слился с живой практикой миллионов трудящихся, строящих новое общество»¹¹¹.

Строить новое общество оказалось совсем непросто, причем даже в фундаменте, т. е. в отношении собственности. По Марксу, как известно, краеугольным камнем социализма является общественная собственность на средства производства. Однако «исторический опыт реального социализма показывает, что превращение «моего», частнособственнического в «наше», общее – дело непростое. Переворот в отношении собственности отнюдь не сводится к единовременному акту, в результате которого основные средства производства становятся общенародным достоянием. Получить право хозяина и стать хозяином – настоящим, мудрым, рачительным – далеко не одно и то же. Народу, свершившему социалистическую революцию, приходится еще долго осваивать свое новое положение верховного собственника всего общественного богатства – осваивать и экономически, и политически, и, если угодно, психологически, вырабатывая коллективистское сознание и поведение... Говоря о превращении «моего» в «наше», нельзя забывать, что это длительный многоплановый процесс, который не следует упрощать... Все это мы теперь хорошо знаем из практики социалистического и коммунистического строительства»¹¹².

Из этой же практики мы узнаём, что «полное социальное равенство не возникает вдруг и в законченном виде. Общество дорастает, дорабатывается до него довольно долго, трудно, ценой огромных усилий. Оно должно развить свои производительные силы до уровня материально-технической базы коммунизма. Оно должно выработать у каждого труженика высо-

¹⁰⁹ Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. М., 1993. С. 174.

¹¹⁰ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 245.

¹¹¹ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 233.

¹¹² Там же. С. 234–235.

кое сознание и культуру, профессионализм, способность разумно пользоваться благами социализма»¹¹³.

Логика рассуждений Андропова вводит нас в современность, побуждая к мысли о том, что переворот в отношениях собственности, начатый Октябрьской социалистической революцией, полностью еще не завершен и сейчас, что нет у нас пока и полного социального равенства. Отсюда – недостатки принципиального характера.

Один из них – отступление от норм и требований экономической жизни, «основа основ которой – социалистическая собственность на средства производства». Андропов приводит соответствующий пример: «Взять, скажем, вопрос об экономии, о рациональном использовании материальных, финансовых, трудовых ресурсов. От его решения в большей степени зависит и выполнение задач текущей пятилетки, и развитие нашей экономики в перспективе. Если вдуматься, то речь здесь как раз идет о соблюдении той необходимой нормы хозяйствования, которую предписывает социалистическая собственность и суть которой – в бережливом отношении к общенародному достоянию, в инициативном и энергичном его преумножении. За нарушения этой нормы приходится расплачиваться обществу, и оно вправе строго взыскивать с тех, кто по нерадивости, неумению или из своекорыстных соображений разбазаривает его богатства»¹¹⁴.

Другой существенный недостаток, по Андропову, состоит в нарушении открытого Марксом принципа социалистического распределения. В результате «приходится иметь дело с нетрудовыми доходами и с так называемыми летунами, прогульщиками, лодырями, бракоделами, которые становятся, по сути дела, нахлебниками общества, живут за счет массы добросовестных работников»¹¹⁵. К числу серьезных недостатков следует также отнести и то, что закон экономии рабочего времени, который, как полагал Маркс, является важнейшим в условиях коллективного производства, «действует у нас еще не в полную мощь. Причиной тому является в значительной мере наличие большого числа физически тяжелых, непривлекательных, рутинных работ, медленные темпы их механизации, а тем более – автоматизации»¹¹⁶.

Все это плохо вязалось с проповедуемой в брежневское время концепцией развитого социализма как новой ступени зрелости социалистического общества¹¹⁷.

К мысли о развитом социалистическом обществе Л. И. Брежнев пришел еще 1967 году¹¹⁸. Затем она была закреплена в документах XXIV съезда КПСС, заседавшего 30 марта – 9 апреля 1971 года¹¹⁹. В частности, отчетный доклад ЦК КПСС съезду содержал следующее положение: «Самоотверженным трудом советских людей построено развитое социалистическое общество, о котором в 1918 году В. И. Ленин говорил как о будущем нашей страны. Это позволило нам приступить к практическому решению великой задачи, поставленной Программой партии, ее последними съездами, – к созданию материально-технической базы коммунизма»¹²⁰

¹¹³ Там же. С. 239.

¹¹⁴ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 235.

¹¹⁵ Там же. С. 239.

¹¹⁶ Там же. С. 240.

¹¹⁷ Касьяненко В. И. Развитой социализм: Историография и методология проблемы. М., 1976. С. 48.

¹¹⁸ Брежнев Л. И. Актуальные вопросы идеологической работы КПСС. М., 1979. Т. 1. С. 117.

¹¹⁹ Александров В. С., Хромов С. С. XXIV съезд КПСС (в помощь преподавателям вузов). М., 1972. С. 77.

¹²⁰ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 38.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.